

КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ СИНТЕЗА ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье реконструируется и анализируется предложенная русскими консервативно-либеральными историками второй половины XIX в. концепция единства научно-познавательной и политической функций исторического знания. Рассматриваются связь этой концепции с мировоззренческими основами консервативно-либеральной идеологии и ее взаимоотношение с господствующими методологическими установками в русской историографии того времени.

Интерес, проявляемый в последнее время российскими философами, политологами и историками к феномену консервативного либерализма, объясним. Нестабильность социально-политической ситуации в России закономерно должна была активизировать научные исследования этой идеологии, сыгравшей в странах Запада заметную роль в стабилизации общественных процессов. Многочисленные работы о консервативном либерализме, появившиеся в России в последние годы, призваны также скорректировать еще недавно бытовавшие в отечественной науке упрощенные представления о консерватизме как синониме охранительства и ретроградства.

Сегодня уже никто из исследователей не отрицает того факта, что и в момент своего появления в конце XVIII в., и в период своего расцвета в XIX в. консервативный либерализм был течением внутри либеральной мысли. Как и все либералы, либералы-консерваторы считали необходимыми общественные и экономические реформы, расширяющие границы свободы личности. Их расхождение с противоположным крылом либерализма (леволиберальным) начинались, главным образом, с вопроса о путях и темпах этих реформ и о пределах компромисса с силами, представляющими реформируемые социально-политические институты.

В исторической и политологической литературе можно найти обстоятельный анализ различий между консервативно-либеральной и леволиберальной точками зрения по таким конкретным политическим проблемам, как отношение к революции, государству, национальной специфике, семье и т.д. Однако вопрос об исходной мировоззренческой основе этих различий пока остается дискуссионным и в западной, и в отечественной науке. Одни исследователи видят сущность консервативного либерализма в «оппозиции мышлению, основанному на идее естественного права» [1. С. 16; 2. С. 48–59], другие – в практическом подходе к социальной действительности и вытекающем из него признании права на существование институтов и форм, кажущихся «неразумными», с точки зрения отвлеченных теоретических схем [3. С. 42], третьи – в понятии «общественного организма» и отрицании возможности произвольного переноса политических и правовых институтов одной нации на другую [4. С. 296], четвертые – в «рационализации существующих институтов в терминах истории, Бога, природы и человека» [5. С. 52; 6. С. 33–67; 7. С. 11–37].

Нам представляется, что главным системообразующим элементом консервативно-либеральной идеологии, из которого вытекали все остальные ее особенности, следует признать специфическое решение вопроса о том, что должно быть главным критерием в оценке общественных преобразований. Для леволиберальной идеологии,

испытывавшей сильное влияние радикальных идей французского просвещения, этим критерием являлось соответствие рационально построенному идеалу общественной системы. Консерваторы, начиная с Э. Берка, не устали доказывать пагубность рационалистического конструирования общественных идеалов и плодотворность опоры на исторический опыт при определении того, что в обществе нуждается в улучшении, а что – в сохранении. Требование сверять каждый политический шаг с историей, включать исторический опыт в стратегию любых нововведений, является ядром консервативного либерализма, цементирующим все остальное его идейное содержание. Это нормативное требование к социально-политическим проектам находилось в неразрывном единстве со специфическим пониманием соотношения прошлого, настоящего и будущего в историческом процессе. Для просветительского, а затем и леволиберального мировоззрения прошлое – это ничто, поскольку оно прошло, оставив после себя лишь смутные воспоминания; а потому имеет значение только настоящее, причем, главным образом, как объект критики с позиции придуманного разумом совершенного образца общественного порядка, а затем и как объект преобразования, цель которого – устранение из настоящего нерациональных элементов. Считая разум статичным, самодостаточным и независимым от влияния истории, а действительность нуждающейся в прогрессивном совершенствовании для ее приближения к разумному образцу, леволиберальная мысль из триады «прошлое – настоящее – будущее» фактически лишь в отношении последнего признает подлинное право на существование.

Совсем иначе данная триада осмысливается в консервативно-либеральном миросозерцании. Прошлое здесь – это не только минувшее, но и живущее в настоящем в виде всех созданных прежними поколениями общественных форм и ценностей, непосредственно и опосредованно обуславливающих сегодняшнюю жизнь. Консервативные либералы вполне солидарны со словами Гегеля: «Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, с другой стороны, являются как минувшее. Те моменты, которые дух... оставил позади себя, он содержит в себе и своей настоящей глубине» [8. С. 175]. Причем прошлое, в их понимании, не только живет в настоящем, но и определяет самые значимые, существенные его стороны, поскольку для консервативного либерализма таковыми могут считаться только те, что сформировались в результате медленного постепенного становления.

Настоящее для консервативного либерала, таким образом, оказывается не столько началом будущего, как

считали просветители, сколько, по меткому замечанию К. Мангейма, «последним пунктом, которого достигло прошлое» [9. С. 145].

Естественно, что будущему при такой трактовке отводилась роль не преодоления настоящего, а дальнейшего развития («улучшения») того, что в настоящем сформировано прошлой эволюцией. Будучи либералами, консервативные либералы отнюдь не являются противниками реформ, если общество в своем историческом развитии созрело для их проведения, но они требуют, чтобы эти реформы осуществлялись исключительно постепенно, так, чтобы старое изживалось, одновременно врасдая в новое и тем самым, создавая историческую преемственность, на которой только и возможно прочное новое созидание нового.

Отсюда понятно, почему всеми консервативными мыслителями особая роль отводилась исторической науке. Стремление опереться на историческое знание при обосновании своих доктрин является характерным для всех течений общественной мысли, в том числе и леволиберальной, среди представителей которой было много крупных историков. Но для либералов консервативного крыла история была не только аргументирующей базой политики, но и исходной ее точкой, ориентиром, направляющим политиков, как говорил Э. Берк, «не прерывать, а улучшать то, что имеет корни в историческом прошлом». Историческая же наука, с точки зрения консервативного либерализма, должна сознательно ориентироваться на служение политике, давая последней почву для принятия правильных решений.

Следует заметить, что своим рождением консервативный либерализм обязан не только эволюции политической мысли, но и одному из направлений исторической науки – идеалистическому историзму (А. Токвиль, Ф. Гизо, Л. Ранке и др.). Будучи органическим сплавом ряда идей об историческом процессе и историческом познании (идеи прогресса, исторической индивидуальности, познаваемости исторического прошлого, специфики исторического познания и др.), идеалистический историзм изначально был созвучен консервативно-либеральной позиции «адвоката» прошлого в настоящем. Историки этого направления последовательно настаивали на «исторической экспертизе» политических проектов, на необходимости исторического подхода не только к прошлому, но и к современности, и к будущему. Считая, что каждый новый этап развития народа бесчисленными нитями связан с прошлыми этапами, они выдвинули идею синтеза современной политики и исторической науки. Политик, полагали они, должен быть исторически образован, поскольку иначе он не сможет определить, какие социально-политические институты имеют исторические корни и требуют бережного отношения к себе, а какие могут быть реформированы без болезненных последствий. Историческая же наука должна видеть свою главную задачу в ориентировании политики и воспитании общества в духе уважения к ценностям, вынесенным народом из своего прошлого.

Придя к такому выводу, многие представители идеалистического историзма, включая его ведущих идеологов (А. Токвиль, Ф. Гизо, Г. Зибель и др.), считали естественным сочетание занятий академической наукой с

активной политической деятельностью. Но едва ли только личное участие историков-консерваторов в политической жизни было причиной превращения консерватизма из течения в английской, немецкой и французской историографии в мощное политическое направление общеевропейского масштаба. По-видимому, несравненно большее значение имел огромный авторитет историков-консерваторов в их профессиональной среде, завоеванный, конечно, не общеметодологическими декларациями, а историческими исследованиями, ставшими образцами научности. Именно этому авторитету консервативно-либеральное мировоззрение обязано быстрым овладением умами большинства историков, что, естественно, привело к тому, что уже в середине XIX в. консервативный историзм интенсивно подготавливал, используя систему как начального, так и университетского образования, переход на консервативные позиции и политической элиты, и представителей социального большинства.

Рефлексия связи между исторической наукой и современной политикой в XIX в. наиболее сильно проявилась в немецкой историографии. Не случайно именно в работах немецких историков понятие «современность» («Gegenwart») в качестве методологической категории стала употребляться раньше, чем у историков других стран. Различные течения внутри немецкого историзма спорили, должен ли историк вмешиваться в политику непосредственно (как это делали Г. Зибель и Г. Трейчке) или ему более пристала роль беспристрастного арбитра в политических делах (Л. Ранке). Но, как отмечает Б.Г. Могильницкий, для всех представителей немецкого историзма XIX в. было свойственно «убеждение о социальной значимости исторической науки как политического руководства, которому должно внимать общество» [10. С. 11].

В русской исторической науке второй половины XIX в. одним из самых убежденных сторонников идеи об огромной политической роли исторического знания был С.М. Соловьев. Он связывал с состоянием исторической науки в России как политические неудачи правительства, так и политическую несостоятельность общественных сил. Об Александре II Соловьев писал: «Он действовал в потемках, часто шел не туда, спотыкался, озадачивался и трусил там, где нечего было бояться, и шел прямо, бодро туда, где была действительная опасность». Причина этому, считал Соловьев, – «одностороннее образование» Александра II и, как следствие, «незнание России, ее настоящего и прошлого» [11. С. 337]. Еще ранее, при Николае I, по мнению Соловьева, русское общество стало жертвой зачетов на историческое и иное просвещение в гимназиях. «Гимназии упали, университеты упали вследствие падения гимназий; ибо в них стали поступать вместо студентов недоучившиеся школьники, отученные в гимназиях от серьезного труда. Невежественное правительство, считая просвещение опасным... испортило целое поколение, сделало из него не покорных себе слуг, но вздорную толпу мерзавцев, неспособных к серьезному занятию ничем и... следовательно, способных к деятельности отрицательной, как самой легкой». Отсюда, полагал историк, и возникло засилье в русском обществе «шумливых и невежественных либералов» [11. С. 314].

Стремление Соловьева уличать политических оппонентов справа и слева в историческом невежестве про-

явилось во многих его оценках. «Антиисторизм» славянофилов – причина их наивной веры в возможность реанимации давно исчезнувших форм исторического быта. Леволлиберальные призывы перенимать политические достижения других народов оценивались С.М. Соловьевым как следствие «рационалистического» игнорирования исторического прошлого России. В их проектах, писал историк, «Россия представлялась «*tabulam rasam*», на которой можно начертать все, что угодно, начертать обдуманное или даже еще необдуманное в кабинете, в кружке, после обеда или ужина» [11. С. 308].

Таким образом, делал вывод Соловьев, многие факты русской политической жизни заставляют признать первостепенную значимость истории для политического воспитания, особенно подрастающего поколения, и пагубность ситуации, когда в гимназиях история не преподается (как при Николае) или когда вместо ее научного изложения учителя либеральничают, опираясь на модные статьи. «История, – писал Соловьев, – есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание – чрезвычайной важности; от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан» [11. С. 347].

Хорошее резюме взглядов С.М. Соловьева на роль исторической науки в деле политического воспитания дал в статье об историке Е.Ф. Шмурло: «История есть наука народного самопознания, и если мы эту науку усвоили, если мы действительно познали себя как народ в его Целом и Единстве, то, значит, и сознали свою связь с прошлым, свой нравственный долг беречь великое наследие ... Сознав эту связь, вы уже не бездомный пришелец, вы нащупали под ногами твердую почву и с бодростью смотрите на свое настоящее, с большей уверенностью глядите в глаза будущему» [12. С. 16].

Надо сказать, что Соловьев не только прокламировал связь между исторической наукой и политическим сознанием общества, но и непосредственно пытался влиять на формирование «политического склада» россиян в соответствии со своими общественно-политическими идеалами. Соловьев, как известно, не писал публицистических работ «на злобу дня» и, тем более, не принимал прямого участия в прямых политических дискуссиях. Но последнее вполне объяснимо, если принять во внимание административные должности, занимаемые им в 60–70-е гг. (декан факультета, а затем и ректор Московского университета). Тем не менее как историк он весьма чутко реагировал в своем историческом творчестве на различные тенденции в социально-политическом развитии русского общества. Его «История государства Российского» – это не только капитальный исторический труд, но и взгляд на прошлое, обосновывающий вполне определенную политическую консервативно-либеральную концепцию реформ, проводимых сильным централизованным государством. В конце 60-х гг., когда в русском общественном сознании начали явственно проступать утилитаристские тенденции и связанное с ними пренебрежение к духовно-нравственным вопросам бытия, Соловьев опубликовал большую работу о гибели Римской империи и великом переселении народов. Анализируя духовную атмосферу времени заката античности, историк стремился показать современникам опасность си-

туации, когда «человек перестает верить в свое духовное начало, в его вечность, в святость и неприкосновенность того, что лежит в основе его жизни» [13. С. 219].

Кроме С.М. Соловьева, среди историков России второй половины XIX в. к числу сознательных приверженцев консервативно-либеральной идеи синтеза истории и политики безусловно следует отнести В.И. Герье, ученика Соловьева, патриарха русской школы всеобщих историков, вклад которого в развитие отечественной науки и образования представляется до сих пор недооцененным исследователями.

Убежденный противник политического радикализма С.М. Соловьев, авторитет которого в глазах Герье был огромен, стал, по-видимому, первым, кто дал толчок для складывания его политической позиции. На дальнейшее ее оформление, безусловно, оказал влияние самый крупный представитель консервативного крыла русской либеральной мысли Б.Н. Чичерин, прямо противопоставивший в 70–90-е гг. свой «охранительный либерализм» «либерализму оппозиционному», господствовавшему в сознании русской интеллигенции.

Герье хорошо знал Б.Н. Чичерина лично. В 70-е гг. общность их социально-экономических и политических убеждений нашла отражение в их совместно написанной книге о русской общине. С мнениями Чичерина по многим важным проблемам Герье высказывал полное согласие и позже, что позволило П.Б. Струве назвать Герье в статье о Чичерине самым «ближайшим учеником и соратником» последнего [14. С. 453]. Ярким примером тому может служить восторженная оценка Герье опубликованной в 1881 г. двухтомной работы Б.Н. Чичерина «Собственность и государство» в одном из писем М.С. Корелину. Солидаризируясь с содержащимися в этой работе политэкономическими идеями Чичерина и с его «точными и основательными отзывами о разных учениях», Герье писал своему ученику, готовившемуся к магистерскому экзамену: «Прошу Вас воспользоваться летним досугом, чтобы проштудировать эти 2 тома... Она (книга Чичерина. – Е.К.) необходима всякому руководителю юношества, к числу которых Вы принадлежите ... Я готов сократить вашу программу (магистерского экзамена. – Е.К.) на целый вопрос по вашему выбору – настолько я считаю полезным знакомство с упомянутой книгой» [15. Л. 12–13].

Для В.И. Герье вопросы о связи между историей и современностью, между историческим и политическим сознанием были едва ли не центральными вопросами его методологической рефлексии. Этим вопросам посвящена значительная часть его вводного курса во всеобщую историю, прочитанного в 1865 г. К ним он постоянно возвращался в своих многочисленных исторических и историографических работах, в личной переписке со своими учениками Н.А. Кареевым, М.С. Корелиным, Р.Ю. Виппером, П.А. Ардашевым и др.

Герье был убежден, что занятие историей имеет смысл только в том случае, если исследования историка служат современности, и в первую очередь решению современных политических задач. Он любил повторять известный наказ Кальвина: «Ты не имеешь права заниматься наукой ради науки. Нагромождать сокровища учености не лучше, чем проводить жизнь в созерцании картин. Критерий доброй науки заключается в том, чтобы она делала

нас лучшими людьми» [16. С. 44]. При этом Герье пытался доказать возможность такого сочетания научности истории и связи ее с современными политическими запросами, при котором то и другое не противоречило бы, а взаимообуславливало друг друга. Конечно, речь шла о научности в том ее понимании, какое было характерно для представителей идеалистического историзма, и о политике, соответствующей консервативно-либеральным убеждениям. Поэтому сформулированная им концепция взаимосвязи исторической науки и современной политики не была чисто методологической теорией. Ее практический смысл заключался в том, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть консервативно-либеральную направленность принципов идеалистического историзма, а с другой – «освятить» историей консервативно-либеральную идеологию.

Исходной точкой размышлений Герье о связи между исторической наукой и современной политикой был тезис о вольной или невольной пристрастности историков в решении любой исторической проблемы. Корни этой пристрастности, по убеждению Герье, следует искать в специфике объекта исторического познания. В отличие от естественных наук, изучающих процессы, протекающие вне человеческого общества и независимо от него, историческая наука является самопознанием. Здесь человек изучает самого себя. Людям же свойственно подходить к самим себе субъективно. «Ботаник или физиолог, – писал Герье, – могут быть равнодушны к исследуемому предмету... Историк имеет дело с мыслящими и чувствовавшими субъектами, которые руководствовались известными убеждениями и следовали за известными идеалами, историк поэтому не может отрешиться от всего человеческого и... забыть о своих принципах и идеалах» [17. С. 476].

Помимо этого гносеологического момента историк, по мнению Герье, зависит от современной политики и с чисто психологической точки зрения. Каждый ученый, считал он, желает успеха своему произведению, который во многом обусловлен политической актуальностью его работы, ее способностью вызвать отклик у классов и партий современного общества. Последние же, бросая свой взгляд в прошлое, всегда «имеют в виду определенную практическую цель». Для них история человечества слишком заманчивое и удобное средство, чтобы не воспользоваться ей для популяризации своих политических и иных идеалов. В итоге всего этого оказывается, что «намерения доказать правоту известного взгляда в области исторической науки... равносильно желанию, чтобы этот научный взгляд послужил к оправданию... известной политической программы» [18. С. 573]. Так было и так будет, считал Герье. «К ней (к истории. – *Е.К.*) всегда будут обращаться различные политические партии для того, чтобы найти опору своим стремлениям» [19. Л. 51].

Констатируя внутреннюю взаимосвязь истории и политики как самоочевидную данность, Герье настаивал на различии ее проявлений в разных направлениях историографии. По его убеждению, связь между исторической наукой и современной политикой может осуществляться в двух формах. Первая (наиболее типичная) заключается в слепом подчинении исторической науки интересам существующих в обществе классов и партий. Историк в этом случае выступает как пропагандист сложившихся

независимо от исторического знания политических концепций, корни которых для него самого скрыты. Плодом такого рода союза между историком и политиком являются сочинения, которые лишь по своему предмету могут считаться историческими, а на деле представляют собой «тенденциозные романы».

К разряду «тенденциозной исторической литературы» Герье относил произведения очень многих представителей исторической мысли, начиная с ее зарождения, кончая современным этапом ее развития – от Боссюэта и Макиавелли до Бокля и Мишле. «Страсти современников так сильно захватили душу впечатлительного историка, – писал Герье о французском историке Ж. Мишле, – что он внес их в изучение прошлого. Настоящее совершенно взяло верх над прошлым; свет, проливаемый прошлым, перестал освещать настоящее, и наоборот настоящее стало окрашивать в свой цвет прошлое и порабощать его своим потребностям и идеалам. Не довольствуясь этим и горя нетерпением дать торжество этим идеалам, Мишле соскочил в арену, где боролось современные интересы и променял науку на публицистику» [20. С. 130].

Герье полагал, что даже такой откровенно тенденциозный подход к прошлому имеет известную ценность, поскольку руководствуясь им историк «направляет все лучи света на одну сторону предмета и может обнаружить... явления, недостаточно замеченные или оцененные» [17. С. 487].

Однако не тенденциозная историография, с его точки зрения, олицетворяет собой наиболее плодотворный союз истории и политики. Последний имеет место во втором типе исторических произведений – в «объективной историографии», противостоящей, по его убеждению, историографии «тенденциозной» в качестве идеала.

«Объективная историография», в понимании Герье, может и должна служить политике и удовлетворять современные политические потребности. Но при том она должна быть слугой более умным и потому более полезным. Связь ее с политической злобой дня состоит прежде всего в том, что последняя актуализирует те или иные исторические проблемы и тем самым формирует направленность познавательных интересов историка.

Но чутко откликаясь на запросы современной политики в проблематике своих исследований, объективная историография, в отличие от тенденциозной, не принимает на веру те программы, которые ей предлагают на выбор современные различные партии, а подвергает их критическому анализу с точки зрения их «исторической обоснованности». Благодаря этому она приобретает активность в отношении политики, оказывает воздействие на формирование политической идеологии, внушает политическим деятелям и обществу в целом наиболее плодотворный способ действий, который базируется на опыте всей истории. Необходимость направить усилия историков именно на воспитание «общества» с особенной настойчивостью подчеркивалась Герье. «До сих пор, – сетовал он, – большинство исторических сочинений писалось как бы в назидание только одних правительств...; чем более, однако, в наше время растет самодетельность общества, тем более историческая критика должна содействовать развитию самосознания общества» [18. С. 593].

С точки зрения Герье в прошлом сконцентрирован опыт многих поколений, стремившихся, подобно сегодняшнему поколению, к совершенствованию общественных и политических форм. Их достижения и ошибки должны приниматься в расчет современной политикой, иначе последняя будет подобна ребенку, не желающему прислушиваться к советам родителей и потому обреченному совершать ошибки. «Раскрыть... общий запас разума, накопленный народами и веками, – пишет Герье, – есть дело исторической науки» [21. С. 169]. Причем выполнить эту задачу способна только «объективная историография», готовая «предпочесть чисто научный интерес всем другим». Возможность получения истинного знания о прошлом связывалась Герье с методологией идеалистического историзма. Поэтому принципы последнего объявлялись ориентиром, гарантирующим исторической науке плодотворное влияние на политику, суть которого Герье усматривал в том, чтобы «внушить обществу научный интерес к своему прошедшему, объяснить ему тесную связь между ступенями быта и политическими формами» [22. С. 20]. Политические воззрения, отвергаемые Герье, относились им к разновидностям антиисторического желания проводить в жизнь программы, противоречащие опыту истории. Социальный квиетизм определялся Герье как «враждебное отношение к прогрессивному движению в идеях и учреждениях», вытекающее из отрицания главного условия научного взгляда на историю – «идеи развития как в смысле генетическом, т.е. развития одной формы из другой, так и в смысле усовершенствования» [21. С. 169]. Столь же враждебен исторической науке, по убеждению Герье, «политический радикализм», выступающий за переустройство общества согласно принципам отвлеченной теории, не принимающей в расчет «исторические права» созданных историей социально-политических учреждений [21. С. 165–171].

Решающую роль в борьбе против указанных крайностей в политике Герье отводил опять же исторической науке. Там, где историческая наука активна и пользуется в обществе непререкаемым авторитетом, совершенствование социальных форм в стране происходит путем постепенной эволюции, под эгидой государства, с сохранением важнейших «национальных элементов прежнего политического развития». Так было, с точки зрения Герье, в Германии 60–70-х гг., где произведения историков национально-политического направления стали одним из существенных факторов политической консолидации страны [18. С. 593]. В тех же случаях, когда историческая наука не оказывала серьезного воздействия на формирование политического сознания общества, возникала почва для распространения таких идеалов будущего, которые основываются не на правильном понимании прошедшего, а на «рационалистических» представлениях о человеке и совершенном общественном устройстве. Это приводило к возникновению в общественном сознании «исторических легенд», которые в свою очередь, придавая антиисторическим политическим доктринам видимость соответствия с прошлым, усугубляли их вредное воздействие на общество.

По мнению Герье, состояние дел во французской историографии XVIII в. было одним из существеннейших факторов в цепи причинно-следственных связей, приведших

Францию к «революционной катастрофе». «Для самосознания нации недостаточно прожить много веков, нужно зрелое и научное понимание этой жизни. Именно этого не давала тогдашняя (французская. – Е.К.) историография и потому она... не только не могла обереечь общество от ложных теорий, но сама попала под их господство и сделалась орудием их распространения» [22. С. 20].

Результат, по мнению Герье, оказался плачевным и для политики, и для самой исторической науки Франции. В политической области дело закончилось революцией, явившейся болезненным отклонением от нравственного пути развития, поскольку любая революция «прерывает многое, что могло бы еще жить, создает незрелые учреждения и налагает на людей жертвы» [23. С. 527]. Для исторической же науки слепое преклонение перед «рационалистическими идеалами» обернулось модернизацией прошлого. Стерлась грань между исторической наукой и публицистикой; историки утратили умение «различать эпохи и вникать в их смысл» [19. Л. 64].

Таким образом, все негативные, с точки зрения Герье, явления в политическом развитии и историографии сводятся им к одному основанию: историки популяризировали политические идеалы, основанные на умозрительных представлениях, вместо того, чтобы бороться с «политическим рационализмом» и вносить в политику элементы историзма. Последнее как раз и составляет, по убеждению Герье, подлинное призвание историка, особенно в тех ситуациях, когда политические фантазии, основанные на историческом невежестве, становятся чрезвычайно популярными.

В контексте сказанного следует оценивать часто встречающиеся в произведениях Герье утверждения о необходимости освобождения исторической науки из-под власти политических идеологий и ее превращения в самостоятельную форму общественного сознания [24. С. 112]. В данном случае мы имеем дело с тем же противопоставлением консервативного либерализма (совпадающего, по убеждению Герье, с истинным пониманием перспектив исторического развития) всем другим политическим доктринам, к независимости от которых и призывает Герье. Речь здесь идет не об отстранении истории от политики, а о тесном союзе между ними, но с приоритетом истории, которая из служанки политики должна возвыситься до «руководительницы в политических делах», можно ожидать научно обоснованных рекомендаций при разработке идеологии, учитывающей опыт прошлого [25. С. 771]. В контексте этого убеждения Герье следует понимать его выступления в печати против готовившейся правительством в 70-е гг. XIX в. ликвидации университетской автономии. Герье справедливо опасался, что полное подчинение университетов официальной идеологии в конечном счете лишит русское правительство «объективного» советника. «От правильного взгляда на этот вопрос, – писал Герье, полемизируя с Леонтьевым и Катковым, – ... зависит не только положение и будущность науки и образования, зависит косвенным образом и нравственная сила государства» [25. С. 769].

Заметим, что основанием, на котором построена концепция Герье об отношении исторической науки к современной политике, является особое понимание им категории «научность». Последняя ассоциировалась у Герье, как

и у его учителей С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина, не с теоретическим отражением исторических законов, на котором настаивала позитивистско-марксистская историография его времени, а с генетическим синтезом фактов, осуществленным с позиции вневременных нравственных ценностей. Поэтому последние выступают у Герье конечным ориентиром, позволяющим определить как «научность» исторических выводов, так и «историчность» идеологии, защищаемой историком. На основе нравственных принципов только и возможно, считал Герье, совпадение научной и политической функции исторической науки, в результате которого отстаивание «нравственного» политического идеала будет равнозначным «объективному» (опять же «нравственному») подходу к истории.

Дальнейший ход мысли Герье прост. Философско-исторические постулаты идеалистического историзма, провозглашавшиеся его сторонниками непоколебимыми истинами в силу их полного соответствия вечным моральным принципам, проецировались Герье на политику и получали статус фундамента «исторически обоснованной», «нравственной» политической идеологии. В результате оказывалось, что из всех форм политического сознания более всего духу исторической науки соответствует консервативный либерализм – идеология, сочетающая признание необходимости общественного прогресса с убеждением в неизбежности главных общественных институтов, доставшихся обществу от прошлой истории. Будучи политическим выводом из научного исследования прошлого, консервативный либерализм, с точки зрения Герье, в свою очередь, является единственной политической идеологией, стимулирующей нетенденциозный «научный» взгляд на историю, взгляд, видящий в ней не набор фактов, пригодных для пристрастного истолкования, а длящуюся действительность, в контексте которой только и возможно понять день сегодняшней и перспективы дня завтрашнего. Из идеалистического историзма выводилась, таким образом, «политическая истина» – консервативный либерализм, а консервативный либерализм провозглашался идеологией, способной побуждать к поиску научной истины о прошлом. С.М. Соловьев, утверждал Герье, не смог бы создать свой величественный труд, отвечающий всем критериям научности, не будь он сторонником трех важнейших принципов исторической правильной политического мировоззрения: преданность государству, привязанность к церкви и потребность в просвещении [26. С. 80].

Конкретным воплощением политической функции исторического познания в концепции Герье выступает установление связей между прошлым, современностью и проектами будущего. Последние должны отвергаться или поддерживаться в зависимости от того, имеют ли они корни в истории. «Как в теоретических, так и в практических вопросах, около которых группируются... партии, критическим мериллом и примиряющим началом является исторический принцип» [21. С. 179].

Такой подход с необходимостью нес с собой различное отношение к прошлому и современности, с одной стороны, и к будущему – с другой. В творчестве Герье обнаруживается характерная черта консервативно-либерального мышления – замкнутость на прошлом. В прошлом ищутся аналоги нового, новое признается только

как продукт векового развития общества. Хотя Герье и подчеркивал равноправие трех исторических измерений, признавая за будущим право далеко не во всем походить на прошлое, на деле в его концепции нетрудно увидеть призыв к оправданию уже происшедшего и к осуждению того, чему еще не было исторического прецедента.

Так, в прошлом Герье был готов примириться даже с тем, что противоречило его нравственным идеалам и представляло собой разрыв в цепи постепенной эволюции событий, например, с Великой французской революцией. Факт свершился, и уже ничто не изменит того, что произошло. «В 1789 году можно было приводить в пользу сделки со старыми учреждениями не только аргумент целесообразности, но и права этих учреждений на дальнейшее существование – это право давности, право легитимизма, созданное историей... Юная демократия могла опереться только на право, извлеченное из теории, и нисколько не соответствовала действительности. Но это отношение теперь изменилось... В наше время французская демократия уже имеет за собой право давности, историческое право; роли изменились, и здесь настоящими легитимистами являются не те, кто носит это имя, а их противники, опирающиеся на традиции 1789 года» [23. С. 534].

В этих словах можно разглядеть практический совет Герье историкам. Помощь политике со стороны исторической науки должна состоять в том, считал ученый, чтобы предостеречь общество от излишне радикальных перемен, способных прервать постепенную («правильную») эволюцию социальных форм. В том же случае, если вопреки всему такие перемены все же произойдут, долг историка – «примирить новое с прошедшим», «завязать в самом сознании общества нить, которая бы соединила современность с коренными началами», покоящимися в прошлой истории. Подобного рода «завязывание нити» с прошлым, по мнению Герье, осуществил в своей работе о французской революции А. Токвиль. «Он первый доказал, что французская революция представляет собой не столько разрыв с историческим прошедшим Франции, сколько ... последовательное его развитие в данном искони направлении» [27. С. 543].

В призыве Герье «примирять новое с прошедшим» в максимальной степени нашло отражение важное свойство консервативно-либерального подхода к происходящему, которое в современной литературе получило название «консервативной мимикрии»: легитимизации перемен путем отсылки к прошлому и указания на необходимость приведения настоящего в соответствие с тем, что уже заложено историей [28. С. 101]. История в концепции Герье выступала «охранительницей традиций» в условиях изменяющейся социальной действительности. Она служит делу прогресса тем, что удерживает его в рамках постепенности и преемственности, мешает реализации «незрелых» и «фантастических теорий, которые противоречат истории и составляют только препятствие на пути грядущих поколений» [24. С. 24]. «Никакой новый интерес не допускается к самостоятельному признанному законом существованию без упорной борьбы со стороны старых начал» [29. С. 267] – этот тезис консервативного либерализма лежит в основании всех размышлений Герье о политической функции исторической науки.

В завершении анализа воззрений представителей консервативно-либерального крыла русской историографии второй половины XIX в. на возможность синтеза истории и политики, заметим, что реконструкция этих воззрений помимо чисто историографического интереса дает повод задуматься о вопросах, имеющих отношение к современному состоянию отечественной историографии и ее роли в противостоянии тем опасным тенденциям в общественном сознании, которые могут привести Россию к общественным катаклизмам, подобным случившимся с ней в начале XX в.

Обратим внимание на то, что в конце XIX – начале XX в. влияние леволиберальной и социалистической идеологий на сознание русской интеллигенции предопределило ее равнодушие к консервативно-либеральной идее примирения современности с прошлым. Показательно, что даже Б.Н. Чичерин, мыслитель с мировым именем, на протяжении полувека активно участвовавший в реальной политической борьбе, имел в России репутацию оторванного от жизни теоретика, к которому с подозрением относились как левые либералы, так и правые охранители.

Но ведь и в самой отечественной исторической науке консервативно-либеральный историзм не смог стать доминирующим методологическим направлением. Вопреки завету С.М. Соловьева «отстаивать интерес истории в современной политической жизни» часть русских историков в конце XIX – начале XX в. предпочла не иметь с политикой ничего общего, демонстративно углубившись

в исследование проблем, лишенных политической актуальности.

Другая же часть служила политике весьма активно, но не в роли беспристрастных экспертов исторической обоснованности политических программ, а на стезе переосмысления прошлого с позиций современных социально-политических доктрин. Охранительная, леволиберальная, народническая, марксистская, эсеровская историографии – каждая по своему подчиняла историю политике, предпочитая поиску исторической истины восхищение или негодование по поводу прошлых событий в зависимости от того, как эти события соотносились с их социально-политическими платформами. Весьма характерно, что среди многочисленных учеников В.И. Герье, пожалуй, только М.С. Корелин и П.Н. Ардашев были близки к политической и методологической позициям учителя. Другие (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, П.Н. Милуков) нашли свое место в других течениях русской общественной мысли.

Почему в отличие от западно-европейской историографии историческая наука в России оказалась невосприимчивой к консервативно-либеральным воззрениям, и как этот факт отразился на судьбе созданных многовековой историей России ее социально-политических институтов? Этот вопрос в наше время, когда прошлое в сознании многих наших соотечественников вновь стало лишь тем, что должно быть преодолено и забыто, приобрел очевидную актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
2. Козлова Н.Н. Волны российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 6.
3. Современный консерватизм. М.: Наука, 1992.
4. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994.
5. Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? // ПолиС. 1998. № 5.
6. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы круглого стола) // Политические исследования. 1995. № 4.
7. Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОСПЭН, 2000.
8. Гегель. Сочинения. М.: Политгиздат, 1935. Т. 8.
9. Мангейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 2.
10. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
11. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983.
12. Шмурило Е.Ф. С.М. Соловьев // Вопросы истории. 1999. № 9.
13. Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Соловьев С.М. Собр. соч. СПб., б.г.
14. Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // Patriotica. Политика, культура, религия и социализм. М.: Республика, 1997.
15. ЦИИМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 11.
16. Герье В.И. Новое общество истории при Московском университете // Вестник Европы. 1895. № 4.
17. Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. № 2.
18. Герье В.И. Национальная историография Германии // Исторический вестник. 1880. № 1.
19. ОР РГБ. Ф. 70. К. 6. Ед. хр. 3.
20. Герье В.И. Народник во французской историографии // Вестник Европы. 1896. № 3.
21. Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 г. М., 1904.
22. Герье В.И. Понятие о власти и народе в наказах 1789 года. М., 1884.
23. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы, 1878. № 12.
24. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865.
25. Герье В.И. Наука и государство // Вестник Европы. 1876. № 10.
26. Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. № 1.
27. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Французской революции // Вестник Европы. 1878. № 4.
28. Секиринский С.С. Российские реформаторы // Отечественная история. 1997. № 3.
29. Герье В.И. Консерватизм у римлян // Вестник Европы. 1875. № 9.

Статья представлена кафедрой древнего мира и средних веков исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 20 ноября 2003 г.